

Анна Бойко
Чего ты боишься?

Анна Бойко

Чего ты боишься?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56080259

ISBN 9785005104663

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нестандартные повороты сюжета, разнообразные характеры, смешные и грустные истории. Объединяет все произведения сборника одно – живые люди, чьи проблемы мало чем отличаются от наших с вами.

Содержание

Бездушный	5
Чего ты боишься?	28
Лего	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Чего ты боишься?

Анна Бойко

© Анна Бойко, 2020

ISBN 978-5-0051-0466-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бездушный

Вьюга который день самозабвенно выпевала в печной трубе. Снег, а может мелкие льдинки, неутомимо стучали в слюдяное окошко. Даже рассвет в последнюю седмицу наступал как-то неуверенно, словно не до конца. Мир снаружи ненадолго светлел и вновь погружался в сумерки.

Поленница в сенях день ото дня неудержимо таяла. Дорожку до сарая завалило почти по пояс, в лес соваться нечего было и думать. Ветер беспрепятственно проникал в щели, нес с собой лютую стужу и прозрачный намек на скорый конец.

– Мышка в сене прошуршала,

Мышка зернышко украла.

Кот со стога наблюдал,

Но пока не нападал... – рассеянно пробормотала Анири, в который раз перебирая содержимое полок и ларей.

Одинокая несущка хохлилась на насесте. Остальные три пошли на супы еще осенью, до того, как умерла надежда, что дед поправится. Сухари давно закончились, вся крупа помещалась в жмене. Муки в жбане осталось на самом доньшке. Хватит на пару небольших лепешек.

Распяленная на правилке в углу шкурка напоминала об удаче – чудом добытом неделю назад зайце. Ставить силки Анири так толком и не научилась. Длинноухие с удоволь-

ствием объедали приносимые ею осиновые ветки, но ловушки неизменно обходили стороной.

Сало она расходовала экономно. Пожалуй, только его да соли в избе оставалось с избытком. Долго ли протянешь на таком рационе? Крошечная лампадка под образом Вездесущего то и дело мигала. Жира для нее хватит на седмицу, от силы на две.

Никакого выбора. Ну, то есть как никакого? Выбор есть всегда. Можно медленно умирать от голода в избешке. Можно податься в лес и там замерзнуть до смерти. Анири пока не решила, какой вариант менее предпочтителен.

Мышка хвостиком махнула,

И краюшку вниз спихнула.

Кот со шкафа наблюдал,

Но пока не нападал.

Она побарабанила пальцами по тщательно выскобленному столу. Есть еще третий путь. Вероятно, ведущий к смерти быстрее двух первых. Или нет.

Накинув платок, она решительно, чтобы не задуматься ненароком, прошла в сени и распахнула дверь. Некоторое время смотрела, не замечая секущего лицо снега и холода. Мужчина стоял на коленях буквально в пяти шагах от входа. В исподней рубахе грубого полотна и таких же портах, босой, с непокрытой головой. Почти до пояса занесенный снегом, неподвижный, словно статуя. На белом лице жили только глаза.

– Добровольно я оказываю тебе помощь. Зайди, приглашенный.

Анири отступила в избыное тепло, в зыбкий, неяркий свет. Замерзающий в сугробе сумел подняться не с первой попытки, и даже не со второй. Словно пьяный, он по замысловатой траектории вписался в дверь и с костяным стуком рухнул на пол возле лавки.

Брезгливо переступив через гостя, Анири взялась за ухват, с натугой вытащила из печи чугунок с настоящими в кипятке травами. Плеснула в глиняную кружку, поставила на пол возле его лица. Стащила с полатей стеганное одеяло, накинула на скорчившееся тело.

– Чем приглашенный отплатит пригласившей? – истово клацая зубами, невнятно произнес положенное гость.

– Отведешь меня к Башне.

Кажется, он удивился. Если бездушные способны удивляться.

– За-чем?

– Еды почти не осталось, а я не добытчик.

– Не до-быт-чик, – повторил он, словно пробуя слова на вкус. – отведу... тебя... к Башне.

Обещание ли это было, или бездумно повторенные слова, Анири не поняла.

— —

Пить самостоятельно он не мог. Руки не слушались, пепельно-русовая голова бессильно прикинула к доскам пола. Дед

рассказывал, что в лютей холод бездушным время от времени требуется отдых в тепле. Не настолько частый, как обычным людям, но хотя бы раз в пару седмиц. Да и зимней одеждой гончие обычно не пренебрегают.

Видать, этот упустил время, слишком увлекся погоней, долго пробыл в лесу, а потом, когда силы оказались на исходе, случилось что-то, лишившее его почти всей одежды, оружия, снаряжения. И вот такой, изнуренный, раздетый и ограбленный, еще сутки он простоял на коленях возле негостеприимно закрытой двери. Пересиливая страх и отвращение, она поднесла кружку к обветренным губам гостя. Тонкий ручеек золотистого отвара побежал по мертвенно-бледной небритой щеке.

Посреди ночи начался бред. Добровольно приглашенный стонал, метался, звал кого-то неведомого. Анири, сидя столбиком на печи, обхватив плечи руками, вслушивалась в бессвязное бормотание и хрипы.

То, что она знала о бездушных, крутилось в голове, заставляя все ее существо то леденеть от ужаса перед собственной дуростью и безрассудством, то робко надеяться на чудо.

Дед стоял перед глазами, как живой. Надтреснутый старческий голос звучал в ушах:

– Бездушные, они не люди вовсе. Так... гончие отмороженные. Боли не чувствуют, холода тоже. Усталость их почти не берет. Рыщут по лесам днем и ночью, в жару, стужу и в ненастье. Выслеживают тех, кто охотится без раз-

решения, не по королевской милости. Гонят провинившегося, ровно зверя дикого, пока не настигнут. Если нет у тебя перстня особого, вот такого, – не повезло, живым не уйдешь. Женщина ты, мужчина, али ребенок.

– Неужто никого не щадят? – обмирая от сладкого ужаса, переспрашивает маленькая Анири.

Всё ей, дурочке, казалось, что бездушные – сказочное зло, придуманное дедушкой специально, чтобы пугать внучку. Казалось, до тех пор, пока сказка не пришла к ней под дверь.

Вкусный дым от трубочки поднимается вверх, тает в густой, темно-лиловой в сумерках листве. Дед отвечает спокойно, почти равнодушно, будто сам не верит в то, что говорит:

– Люди бают, случалось такое. Ежели человек забывает зверя ради прокорма или из милосердия, бездушные могут отпустить.

– Как же они узнают, ради прокорма или ради забавы?

– Говорят, отмороженные видят человека насквозь.

– Деда, а отчего они такие?

– От учебы в храме особом, что построен незнамо кем высоко в горах. Берут туды не каждого. Но коли уж отобрали пацаненка, быть ему бездушным. Семь лет проведет, не покидая храмовых стен, а выйдет не человек уже, мертвец сущий. Белокожий, с глазами мертвыми, холодный сердцем и разумом. Родных не признает. И люди для него с этих пор станут, что грязь под ногами.

– Что ж они, только друг с дружкой балакают?

– Если для дела нужно. А так молчат в основном.

– И никогда-никогда с живым человеком не заговаряют?

– Только если перстень показать требуют. Или бездушный в помощи нуждается.

– И что, помогает им народ?

– Чаще нет, чем да. Никогда ведь не знаешь, чего от нелюдей ждать. Может, наградит за подмогу, а может живота лишит. Есть, правда, один секрет... говорят, он в бездушном человека пробуждает. Ненадолго, правда. Впрочем, так ли это – утверждать не возьмусь, сам не пробовал.

– Какой секрет, дедушка?

– На просьбу бездушного человек должен ответить, что соглашается помочь **ДОБРОВОЛЬНО**. Тогда гончий предложит отплатить за услугу. И оставит благодетеля в живых.

— —

Гость застонал как-то особенно жалобно, всхлипнул и затих. Этого еще не хватало! Анири наострила уши. Не понимая до конца, что ею движет, опасение за собственную жизнь или сострадание, соскользнула с печи, осторожно приблизилась, присела на корточки. Все-таки он дышал. Правда редко, тяжело, с присвистом, каждый вдох – как последний.

Помянув в который раз нехорошим словом собственную глупость, она осторожно потянула край одеяла. Мгновение – стальные пальцы сжали запястье, обманчиво-беспо-

мощное тело метнулось взведенной пружиной и прижало Анири к полу. Она слабо пискнула и забилась.

– Сдурела девка? – вполне мирно поинтересовался сильно простуженный мужской голос над самым ухом. – Со смертью играешь?

– За что?! Я согреть тебя хотела. Пусти!

Хватка ослабла, напряженное тело мгновенно обмякло, сделалось невозможно тяжелым.

– Вездесущий... – Анири попыталась из-под него выбраться, но не тут-то было. Мужчина повернулся набок, сгрел ее в объятия и приказал чуть насмешливо (или ей показалось?):

– Хотела, так грей.

Она запоздало удивилась – оказывается, бездушный умеет разговаривать как обычный человек, не только ходульными ритуальными фразами. Понемногу успокоившись, рискнула чуть пошевелиться. Мужчина тотчас ослабил хватку, давая ей свободу. Анири повернулась к нему лицом, робко обняла, погладила по спине, как маленького.

Долго лежала без сна, сторожко прислушиваясь к каждому звуку. Холод понемногу отступал, бездушного больше не трясло, словно осиновый лист на ветру. Дыхание стало размеренным и беззвучным. Голова Анири удобно пристроилась на сгибе его локтя. Отчего-то сделалось защищенно и по-домашнему уютно, склонило в сон.

...Ее будто что-то толкнуло. Распахнув глаза, Анири некоторое время вспоминала, почему вместо уютной печки очутилась на жестком, холодном полу. В горле пересохло, неприкрытый одеялом бок промерз, затекла от неудобной позы спина. За окном занимался тусклый рассвет, вчерашний вечер казался спросонья дурным сном. Она украдкой повела рукой по шершавым доскам. Никого. Мгновенно и остро почувствовала непонятную, висящую в воздухе туманной взвесью угрозу, поспешно села и обернулась.

Наклонив голову набок, словно волк или озадаченный дворовый пес, бездушный замер подле правилки со злощастной заячьей шкуркой. Девушка мгновенно, рывком, осознала, что жить ей осталось совсем недолго. Покрывшись холодным потом, подхватила с пола.

– Это не... нет! У меня есть разрешение!

Перстень провалился куда-то в складки кармана, она никак не могла его нащупать. Наконец, выхватила широкий, тяжеленький ободок, сунула под нос отмороженному:

– Вот!

Он внимательно рассмотрел безделушку и словно бы даже обнюхал. Произнес уверенно:

– Не твое.

– Моего деда, но его больше нет в живых!

– Не твое, – с нажимом повторил бездушный.

– Ты не тронешь спасшего тебя добровольно!

– Что за сказки? – кажется, он вновь удивился. – В упла-

ту я исполню, если смогу и захочу, желание спасшего. Желанием может стать жизнь. А может и не стать. Как в твоём случае.

Ноги онемели от страха. Прислонившись к теплому печному боку, она жалобно и беспомощно прошептала:

– Ты меня убьешь?

– Вряд ли, – равнодушно качнул он головой и, отодвинув ее с дороги словно лавку или сундук, направился к ближайшей полке.

По-прежнему не в силах пошевелиться, Анири наблюдала за гончей великого короля. Бездушный кружил по горнице мягко и беззвучно, напоминая теперь не пса, а большую рысь. Крышки и дверцы открывались и закрывались, занавеси отдергивались, ящики выдвигались.

Обыск продолжался недолго. Скоро гость остановился напротив хозяйки и подвел итог:

– Не убью. Ты охотилась по необходимости.

– Дед говорил, вы людей насквозь видите, чего ж ты по ларям полез? – не удержалась Анири. Пережитый страх разлил, сделал ее колючей, словно терновник.

– Видим. Если нужно, – после паузы, смерив ее изучающим взглядом, уронил бездушный.

– А сейчас не нужно?

– Нет.

– А вдруг у меня весь погреб репой забит? Или, скажем, картошкой?

– Нет у тебя погреба. И еды нет. Когда выходим?

Понятия «бездушный-губитель» и «бездушный-спаситель», «бездушный-при-смерти» и «бездушный-готов-убивать» сменяли друг друга слишком быстро. Девушка помотала головой, как будто мысли от этого могли прийти в порядок.

– А с тобой... все нормально? Кажется, ночью Вездесущий заглядывал к нам в окно...

– Бездушные не болеют, – губы гостя искривила желчная усмешка. – А Вездесущий не придет за мной никогда.

Анири чуть не сморозила глупость, но удержалась в последний момент. Бездушный не мнит себя бессмертным. Просто Вездесущий приходит только за теми, у кого есть душа. Смутившись, девушка зачастила:

– Мне собраться надо, курицу забить и приготовить. Лепешки испечь. Чего добру пропадать? И... – она запнулась, вопросительно глянула на его порты и рубаху, – наверно, стоит подобрать тебе одежду?

– А есть из чего?

Она нервно кивнула, судорожно сжимая в кулачке бесполезный перстень.

— —

Ружье бездушный не взял, зато долго и придирчиво выбирал кухонный нож и топорик. В дедовых штанах и куртке он выглядел почти человеком. Почти. Только кожа слишком бледная, волосы серые... или седые? Да взгляд, какого

не бывает у обычных людей.

Вздыхнув украдкой, она поправила капюшон, закинула на спину торбу со скудными припасами, одеждой и прочими нужностями. Привычно с натугой повернула притолочный запор (обычный еноты наострились открывать). Добыла из сараюшки снегоступы. Свои и деда.

Шагать по лесу в молчании было... неприятно. Бездушный не предложил забрать вещи, шел налегке, быстро, уверенно выбирая направление, не снижая скорости даже когда попадались препятствия. Одним плавным движением нырял под поваленный ствол или перекатывался через него поверху. Анири так не умела, поэтому то и дело отставала. Провожатый не оборачивался, но всегда точно знал, когда остановиться и подождать.

Вопросы теснились в голове, но заводить беседу с бездушным, который едва тебя не приговорил, не очень-то хотелось. Все-таки ближе к обеду она не выдержала:

– Почему ты оказался там, возле моего дома, совсем без ничего?

– Почему без ничего? В штанах и рубахе.

Лица не видно, спокойный голос, ни намек на эмоции.

– Тебя... ограбили?

Бездушный кашлянул как-то очень по-человечески.

– В каком-то смысле. Ограбил. Шатун. При попытке спасти его от браконьеров.

– А браконьеры, что с ними случилось? Они... мертвы?

Бездушный пропустил вопрос мимо ушей. Некоторое время шли молча, затем любопытство вновь взяло вверх над эмоциями.

– Как твое имя? – спросила Анири, пристально рассматривая маячившую впереди широкую спину в дедовой куртке.

Он замедлился на неуловимое мгновение, словно споткнулся не споткнувшись. Бросил отрывисто:

– Зачем тебе?

– Не могу же я называть тебя «бездушный»?

– Почему? Можешь. Бездушным, гончей короля, отморожком, нежитью, мертвяком. Все так делают.

– Это... это неправильно.

Он безразлично пожал плечами.

– Как скажешь. Тогда пусть будет Див.

– Но тебя зовут иначе?

Пауза. Почти незаметная.

– Помолчи, ладно? Мне надо слышать дорогу.

— —

Несмотря на передышку днем, путь через бурелом вконец вымотал непривычную к долгим пешим прогулкам Анири. В сумерках, когда они вышли на лишенную деревьев, продуваемую ветрами просеку, она едва не падала от усталости. Снег здесь казался неглубоким. Ремешки снегоступов натерли щиколотки, и девушка решила избавиться от неудобного снаряжения хотя бы на время. Идти сразу стало легче.

Снег скоро сменился льдом, и стало понятно, что просека – вовсе не просека, а промерзшее на солидную глубину, а то и до дна, русло ручья или небольшой реки.

Анири не заметила, когда отклонилась от ровной цепочки следов бездушного. Залюбовалась на нависшие над головой заснеженные ветви ивы, расслабилась. Беспечность, как известно, наказуема. «Безопасный» лед вдруг мягко подался под ногой и провалился. Темная, обжигающе-холодная вода хлынула в сапог.

В теории Анири знала, что со льдом шутки плохи, и от полыни нужно медленно отползать, распластавшись и заняв собой как можно большую площадь. На практике вышло иначе – тело, не советуясь с разумом, пошло на поводу у инстинктов. Коротко вскрикнув, девушка уцепилась за красоту, которой только что любовалась, и рывком выдернула ступню из небольшой полыни.

– Не шевелись!

Бездушный с безопасного расстояния изучил место происшествия. Осторожно подобрался, протянул руку. Вывел перепуганную спутницу на пологий, засыпанный снегом почти по колено берег и принялся деловито выламывать сушняк из ближайшей ели. Сложил костер и занялся лежаками.

– Не видишь дорогу – иди след в след. Разве дед тебя не учил? – произнес как всегда ровно, без тени раздражения.

Анири независимо дернула плечом. От пережитого и от холода ее колотил озноб. Гончий накинул на лежак оде-

яло, обернулся и буркнул:

– Что стоишь? Отходились на сегодня. Разувайся и сушишь.

Отсветы озарили плотно сжатые губы и сосредоточенное лицо. Все-таки он злился. Совсем, как обычный человек. Анири послушно стащила сапог. Немного подумала, и сняла второй. Ноги за день замерзли так, что она их почти не чувствовала. Див присел на корточки и осторожно растер колючим шарфом побелевшие от холода босые ступни. От боли у девушки на глазах выступили слезы. Укутав ее вторым одеялом, бездушный полез в торбу за провизией.

– С-спасибо, – стуча зубами, выдохнула Анири.

– Не за что.

– Откуда там... полынья? Мороз же?

– Горячий ключ. Они тут повсюду.

– Ты его видел?

– Конечно. Над ключами лед тоньше, а потому темнее.

Разделив курицу на четыре части, одну Див протянул Анири, в другую впился зубами сам. Утолив первый голод, она робко поинтересовалась:

– Скажи, зачем ты согласился стать... таким?

– Я? Согласился? – в ее обществе он постоянно чему-нибудь удивлялся. Сейчас даже белесые брови поползли вверх. – Кто меня спрашивал? Храм платит за подходящих мальчишек огромные деньги. Редкий крестьянин устоит против соблазна. Сироту продать – сам Вездесущий велел,

а некоторые и родными детьми торговать не брезгают.

– А тебя кто? Родители?

– Дядя. Когда их не стало.

– Но... тебе нравится охотиться на людей?

– Я не могу не охотиться. Это моя цель, мой смысл жизни... теперь.

Анири зябко передернула плечами и придвинулась ближе к костру. Помолчала, вздохнула.

– Сколько нам идти?

Он коротко глянул:

– Ты разве не знаешь?

– Дед говорил, три дня.

– Два с половиной, если поторопимся и не будем больше тонуть. Почему он не отвел тебя пока мог?

В вопросе прозвучал некий подтекст, или Анири только показалось?..

– Он надеялся жить долго и не желал для меня подобной участи. А потом... все быстро случилось.

– Стать интуитом не так уж плохо. Знаешь, многие считают за честь выучиться в Башне и после служить пожизненно в замке у какого-нибудь вельможи или у самого короля. Носить богатые одежды, спать на мягком, вкусно есть...

Анири порадовалась, что он не видит ее лица. Ответила, как могла равнодушно:

– Клетка, даже из золота, не для меня.

– Клетка... допустим. Тогда почему Башня, а не город?

– Как думаешь, что ждет в городе такую, как я? Неопытную, незащищенную, одинокую?

Он мазнул по Анири взглядом, отвернулся.

– Веселый квартал. А через непродолжительное время – смерть из-за неудачно подобранного клиента или от дурной болезни. Ничего хорошего. Только... тебе известно, что в Башню не берут абы кого?

– Дед говорил, у меня есть способности.

Див выразительно глянул на мокрый сапог. Анири покраснела и зачем-то принялась оправдываться:

– Я пока не умею управлять, как надо. Чую только, когда смертельная опасность. Вот одной в лес было нельзя. А с тобой – появлялся шанс.

Бездушный неопределенно хмыкнул.

– Шанс... м-да.

Поправил сучья в костре, пошуровал уголья.

– Давай-ка ложись, интуиит, утро вечера мудренее.

За разговором она не заметила, как окончательно стемнело. Действительно. Пора спать.

– А ты?

– А я покараулю.

– Всю ночь?!

– Я бездушный, забыла? – он улыбнулся одними губами.

– —

Посреди ночи она вновь проснулась от страха. Кажется, в обществе бездушного это становилось доброй традицией.

Костер почти прогорел, на грани света и тьмы сновали проворные и несомненно голодные тени. Бездушный стоял совсем рядом, чуть пригнувшись, поводя из стороны в сторону дедовым топориком и тлеющей головней. Тени отчаянно трусили, рычали, огрызались, клацали зубами. Анири с трудом подавила почти неконтролируемое желание вжаться в колени спутника и закричать.

Наконец, один из зверей набрался решимости и прыгнул. Резкий взмах, ужасающий звук входящего в живую плоть лезвия, жалобный визг. Серый, почти неразличимый в ночи клубок упал к ногам бездушного. Запах крови. Запах смерти. Остальные тени брызнули прочь.

Див отволлок тушу подальше, в кусты. Вернулся и, как ни в чем не бывало, подсел к костру. Подбросил в огонь охапку валежника, обронил коротко: «Спи!». Скоро из темноты раздалось сварливое рычание и тошнотворное чавканье.

До утра она так и не сомкнула глаз. Скорчилась на лежаке, чутко прислушиваясь, трясясь и клацая зубами не хуже волков. На рассвете они растопили на костре снег, разделили последнюю лепешку, молча собрались и двинулись дальше.

Сапоги не высохли до конца. Анири морщилась, но жаловаться не смела. Напротив, мерно шагала вперед, прилежно уставившись в следы бездушного и изо всех сил стараясь не отставать.

На второй день к вечеру захваченные из дома припасы подошли к концу. Див предложил поохотиться, но Анири на-

отрез отказалась его отпускать – волки не отставали и в сумерках вновь окружили стоянку.

Ночь прошла относительно спокойно. Светились, правда, в темноте угольки глаз, да из кустов слышались раздраженная грызня и нервное взлаивание. К счастью, нападать серые твари больше не решались.

Проснулась Анири, как обычно в присутствии бездушно-го, от смутного ощущения беды. Настороженный Див застыл в двух шагах от костра, вслушиваясь и вглядываясь в пред-рассветную мглу. Сперва она решила, что волки вновь осмеле-ли и собираются напасть. Затем поняла, что ошиблась.

– Что? – спросила испуганно.

Он повел носом, словно идущая по следу собака.

– Див?

– В лесу нарушители, гонят зверя.

– Откуда ты...

– Я – гончий. Забыла?

Как-то разом Анири ощутила всю безнадежность соб-ственных надежд.

– И... что теперь? Погоня? Наказание?

Шумно выдохнув, он устался в снег под ногами.

– Что ты молчишь? – она говорила шепотом, но все же почти кричала. – Ты бросишь меня здесь, одну? Так близко от цели? На поживу волкам?!

Тишина.

– Див... ты обещал. Помнишь, ты обещал проводить меня

до Башни!

– Я... обещал.

Слова, как обычно, прозвучали без малейшего выражения. Бездушный беспокойно переступил, как собака на сворке, еще раз жадно вдохнул лесной воздух и вернулся к костру. Бросил небрежно:

– Собирайся, ждать не буду.

— —

...Издали похожая на оплывшую свечу Башня казалась излишне высокой для сооружения, возведенного вдалеке от жилья и каменоломен. Вблизи она поражала отсутствием не только окон, но и кладочных швов. Создавалось впечатление, будто ее целиком отлили из камня сказочные великаны.

Игнорируя едва намеченную в снегу тропинку, Див забрал вправо и углубился в лес занесенных снегом наростов у подножия.

– Погоди, ты уверен, что вход с этой стороны? Может, стоит...

Узкая, покрытая замысловатой резьбой дверь контрастным пятном выделялась среди каменных складок. Старое дерево выглядело непрочным, скважины для ключа не было вовсе. Анири знала, что открыть ее будет непросто.

Бездушный вышел на вылизанный ветром пяточок возле двери. По-хозяйски взялся за чугунное, даже на вид тяжелое кольцо.

Дедушка так и не сумел научить Анири правильно ставить

силки, зато она знала, что делать с попавшейся в них добычей. Потайной карман, надежно скрытый в складках юбки. Рукоять ножа с остро отточенным лезвием удобно легла в ладонь. Три быстрых, бесшумных шага. Резкое движение с оттяжкой. Кровь из перерезанного горла брызнула на резное дерево.

Анири опасалась, что бездушный будет умирать долго и мучительно, не как обычный человек. А еще – что он попытается захватить убийцу с собой. Она ошиблась. Мужчина качнулся к двери и мягко, как тряпичная кукла, осел к ногам спутницы. В темных глазах вместо ожидаемой ярости вспыхнуло изумление и... разочарование?

Там, где кровь попала на дверную поверхность, та начала протаивать, истончаться, исчезать. Анири скользнула по отверстию невидящим взглядом. Упала на колени, осторожно обняла ладонями светловолосую голову, сухо всхлипнула. Див моргнул как-то растерянно и беззащитно, попытался что-то сказать и не смог, захлебнулся кровью. Она скорчилась как от боли, нависла над умирающим в тщетной попытке защитить от неминуемого.

– Иди, дурочка! – беззвучно произнесли обветренные губы, и девушка завывала в голос.

Жизнь покинула тело вместе с последними толчками густой, темной влаги, но Анири долго еще сидела, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, плохо понимая, где она и что натворила.

Уже в сумерках она бережно сняла его голову с колен, прикрыла ладонью остекленевшие, неживые глаза. Ноги не слушались, но Анири все-таки поднялась и шагнула к неровной, протаявшей в двери дыре. Та словно ждала, пока принесшая жертву минует проем и тотчас затянулась у нее за спиной. Внутри оказалось сумрачно и пыльно. Тяжелые серые занавеси свисали с невидимого во тьме потолка. В них полностью терялись очертания помещения.

Высокая женщина в длинном, скрадывающем фигуру балахоне неторопливо спустилась по винтовой лестнице. Остановилась, придерживаясь за перила, царственно качнула головой:

– Шестнадцатый аркан пройден, соискатель Ирина. Набранные баллы – 16 из 100.

Промокшая от крови юбка ледяным компрессом липла к ногам. Анири прислонилась спиной к холодной, неровной стене. Сглотнула, спросила охрипшим, не своим голосом:

– Почему так мало?

– За невнимательность, которая привела к фатальной ошибке в финале.

– К фатальной... ошибке?

– Вспомни слова деда.

– *Обычным людям нет хода в Башню. Для них дверь открывает только свежая кровь разумного существа. Жертва. Смерть.*

– Ключевое слово?

– Жертва. Смерть.

– Ты так ничего и не поняла, – холодно и разочарованно промолвила собеседница. – Жаль. Ключевое слово «обычным». Разве бездушные – обычные люди?

– Я думала, речь о посвященных... или о представителях высших сословий.

– Что ж, каждый вправе ошибаться. Бездушный провел бы тебя в Башню без жертвы, без смерти. Ты пошла правильной дорогой, оказав ему помощь, но затем оступилась. Тебе, увы, знакомы понятия «коварство» и «выгода», но незнакомо «доверие».

– Но прошлый аркан...

– Каждый аркан учит своему. Ты отстаешь от других соискателей и лишилась сильного козыря в лице бездушного. Должна предупредить – теперь шансы на победу весьма невелики. На твоём месте, я бы взяла тайм-аут.

Ирина до боли вжалась затылком в шершавый, мертвый камень.

– Бездушный сопровождал бы меня на следующем уровне?

– Див – не прс, а такой же соискатель, как ты. Он проникся к тебе симпатией и с большой вероятностью объединился бы с тобой для дальнейшего прохождения. Думаю, теперь он пойдет один.

Женщина повернулась спиной и начала неспешное вос-

хождение по лестнице вверх, во тьму. Ирина устало сползла по стене вниз и прикрыла глаза. Слёз больше не было.

Чего ты боишься?

... – Чего ты боишься?

– Что мама умрет раньше меня, – слова прозвучали прежде, чем она успела подумать.

– Нет, ты не поняла. Чего ты боишься на самом деле?

– Я... – она нахмурилась. Голова слегка кружилась, временами казалось, будто где-то в самой глубине естества закручивается в тугую спираль свинцово-черный, безудержный смерч. Грозит унести, забрать, поглотить... – Наверно, одиночества и забвения. Как большинство людей.

Внимательные каре-зеленые глаза с темным ободком слегка отодвинулись от ее лица. Жадный интерес в них сменился легкой досадой и усталостью.

– Одиночество... что ж. Многие боятся одиночества, Мэри, – с непонятной интонацией протянул собеседник.

Кажется, потеряв интерес к разговору, он откинулся на спинку кресла и принялся невозмутимо потягивать через трубочку... три слоя... светлый, густо-коричневый, бежевый... латте? Она не помнила, что он заказывал. Хуже того, свой заказ она не помнила тоже. И... Мария, Маша, разве кто-нибудь называл ее раньше Мэри?!

Перед ней красовался белоснежный многослойный кусок торта. Выполненный на нем с помощью порошка какао рисунок отличался удивительным мастерством. Казалось, на-

несенный несколькими умелыми штрихами гоночный автомобиль сейчас умчится прочь, и вместо него останутся лишь клубы пыли. Машинально повертев в руке ложечку, она так и не решилась притронуться к этому великолепию. Покосилась на тонкую фарфоровую чашку с зеленым чаем. Судя по запаху, жасмин. Который она ненавидит еще со студенческих времен. Хмм.

Маша перевела взгляд на своего сотрапезника. Внезапно почувствовала, что ее тошнит и судорожно сглотнула. Вцепилась кончиками пальцев в край стола так, что они побелели. Моргнула, обвела бездумным взглядом кафе. Светлое дерево, окна во всю стену, стеклянные витрины с моделями судов. Гравюры или офорты с изображениями старинных парусников, цеппелинов, паровозов.

Странно, но дурнота отступила так же стремительно, как началась. Маша снова взглянула на соседа по столу. Толстовка, браслеты и перстни на обеих руках. В ухе – небольшой тоннель, дань канувшей в небытие моде. Небритость, почти трансформировавшаяся в усы и бородку. Волосы странного, пегого оттенка. То ли крашенные, то ли с сединой. Худощавый, скуластый, весь какой-то костистый. Совершенно незнакомый.

– Ты ожидал услышать другой ответ?

– Честно сказать, надеялся. Жаль, что откровенности так и не суждено было принять участия в нашей беседе.

– Возможно, ты ошибаешься.

Он негромко вздохнул, качнул головой:

– Я никогда не ошибаюсь.

«Выйти в туалет, изучить содержимое сумочки, попытаться вспомнить хоть что-нибудь... Хотя бы понять, кем является этот самоуверенный хлыщ, с которым мы почему-то на «ты».

За спиной грохнула дверь, прокуренный голос не терпящим возражений тоном скомандовал:

– Всем оставаться на местах!

Машин собеседник мгновенно подобрался, сделавшись похожим на огромного взъерошенного кота.

– Уважаемые граждане, первостепенная обязанность каждого из здесь присутствующих оказать посильное содействие правоохранительным органам, то есть нам, – чуть нараспев и явно скучая проинформировал тот же голос. – Попрошу предъявить к досмотру личные вещи и документы.

Официанты застыли, будто вмерзшие в лед пингвины. Посетители, кто нехотя, кто с готовностью потянулись к сумочкам, портфелям и рюкзакам.

– А в чем, собственно, дело? – возмущенно осведомился полный господин в светлом костюме.

– Молчать, – не повышая голоса приказал прокуренный.

– Не понимаю... – господин начал подниматься из-за стола.

Краем глаза Маша уловила стремительную тень, ее сильно дернули за руку, заставляя подняться, и сдавили в железных

объятиях. К виску крепко прижалось что-то холодное. Отвлеченные скандальным толстяком полицейские еще только поворачивали головы, а похищаемая недавним собеседником Маша уже очутилась возле ведущей на кухню двери. Станный, предположительно чужой и, по-видимому, опасный молодой человек обладал недюжинной силой и тащил ее за собой уверенно и легко, точно надувную куклу.

– Вот он!

Что-то вжикнуло совсем рядом, от притолоки отлетела щепка. Похититель дернулся, ругнулся сквозь зубы и, не выпуская заслонявшую его от полицейских Машу, спиной вперед отступил в служебный коридор.

– Не стрелять! У него заложник!

«Благодарю, Кэп, а мы и не заметили!», – пронеслось у Маши в голове.

В первые секунды, ошаренная от неожиданности и страха, она почти не сопротивлялась. Теперь, ощутив, что объятия знакомого незнакомца ослабли, и к виску больше не прижимается то страшное и холодное, она отчаянно рванулась прочь.

– Дура, куда?! – в отчаянии простонал он.

Не снизойдя до ответа, она саданула ему пяткой под колено.

– С ума сошла?! – рявкнул он уворачиваясь и встряхивая Машу за плечи. – Где она?

– Кто?! – немало озадаченная звучащими в его голосе до-

садой и отчаянием, она тоже невольно повысила голос.

– Флешка! Надеюсь, не осталась в сумочке на стуле?

– Обалдел? Какая флешка?!

– Ну, знаешь!..

Он внезапно ее выпустил, развернулся и устремился прочь по коридору. Секунду Маша стояла столбом, точно жена Лота. Затем, услышав приближающийся к двери слаженный топот, рванула следом.

Она нагнала его в каком-то служебном помещении. Стопки скатертей и полотенец наводили на мысли о бельевой. Похититель (спаситель?) судорожно дергал шпингалет окна. Покрашенные далеко не в первый раз рамы не желали поддаваться. В отчаянии он саданул по задвижке рукоятью пистолета. Поспешно осмотревшись и плохо соображая, что делает, Маша принялась толкать к двери стоявшую поблизости тумбочку.

– Молодец, – сквозь зубы бросил он, распахивая окно, – жаль только, что дверь открывается наружу.

Несмотря на первый этаж, окна оказались высоко над землей. Спрыгнув первым, он присел, по-волчьи огляделся и повернулся к ней:

– Давай!

Глянув вниз, на асфальтовую отмостку и колючие кусты, она испуганно замотала головой.

– Как знаешь!

Его спина мелькнула пару раз и пропала среди деревьев.

Судорожно всхлипнув, Маша сползла на пол и обхватила колени руками. Полицейские ворвались в комнату, тумбочка с грохотом отлетела в сторону.

– Женщина, вы в порядке?

– Ушел, сукин кот... через окно ушел! Третий и пятый, живо на улицу!

— —

Из отделения Машу выпустили около девяти вечера. Пожалуй, ее спасло только то, что полицейские не восприняли зареванную девушку всерьез и почти не уделили ей внимания. Подумаешь, случайная заложница, оказалась в не в то время не в том месте.

Официанты и посетители кафе, кто помнил, в один голос уверенно заявляли, что она сидела за столиком одна, никого не ждала и удивилась, если не возмутилась, когда к ней подсел предполагаемый преступник. Следовательно, обвинить ее было не в чем. Переписав данные из паспорта, усатый полицейский заставил Машу вспомнить каждое произнесенное за столом слово и отпустил ее под обещание не покидать город надолго в ближайший месяц.

Спросить ее, что происходило за дверью служебного входа, когда похититель и жертва скрылись от глаз полиции, ему в голову не пришло. Действительно, что интересного в том, как Машу тащили по коридору и как отпустили, когда она стала не нужна?

На улице царили мягкие сумерки, последние лучи розова-

то отражались от окон верхних этажей. Шуршали под ногами сухие листья. Конец августа или середина сентября. Подходящее время для одинокой, умиротворяюще-неспешной прогулки.

Туфли немилосердно натирали и, отойдя на пару кварталов от отделения полиции, Маша обессиленно опустилась на первую попавшуюся скамейку. Адреналин, подстегивавший ее в последние часы схлынул, девушку охватила апатия.

Кроме паспорта на имя Арсеньевой Марии Викторовны в сумочке отыскался кошелек с небольшой суммой денег, проездной, ключи, зеркальце и прочая женская дребедень. Все это Маша видела первый раз в жизни. Впрочем, она не помнила, как выглядела «ее» сумочка и вообще смутно предполагала, что раньше у нее был рюкзачок.

Память словно играла с ней в прятки. Лицей, университет, работа вспоминались урывками и фрагментами. Лицо матери, лохматый букет астр на день рождения... кто его подарил? Квартира, в которой она выросла, ковер на стене возле кровати, сервант в гостиной, велосипед, качели... К тому же Маше казалось, что фотография в паспорте была иной. Нет, лицо безусловно ее. Карие глаза смотрят знакомо, укоризненно и чуть печально, мягкий овал лица, вздернутый, почти курносый нос, бледная кожа... но она никогда не красилась так ярко и не завивала волосы. И группы крови в паспорте раньше вроде не стояло.

Рассеянно полистав страницы, она нашла штамп с про-

пиской. Да, Москва, это она помнила точно. Название улицы ни о чем не говорило. В этой ли квартире она живет? Одна или с мамой? Или не с мамой...

Телефон?! Контакты, родные, знакомые, кто-нибудь, кто растолкует, что с ней случилось. Она вытряхнула все содержимое сумочки на колени, проверила карманы. Телефона не было. То ли ему «приделали ноги» в полиции, то ли он исчез раньше. Остался только, словно в насмешку, зарядник.

Зато на темной ткани платья обнаружилось несколько небольших пятен крови. Несомненно, чужой.

Нужна карта города... интернет? Газетный киоск отыскался быстрее, чем интернет-кафе. Расположенная возле метро «Ясенево» Тарусская улица оказалась на другом конце города.

— —

Совершенно незнакомый, заросший двор. Обшарпанная дверь без кода, граффити на стенах. Освещенные единственной тусклой лампочкой лестничные пролеты. Липкие перила, грязный пол, вьевшийся, стойкий кошачий дух. «Я жила в другом месте, а теперь... здесь?».

В почти пустом в этот час поезде МЦК она мысленно пережила еще раз доступные памяти события последних нескольких часов. Поэтому, когда в полутьме подъезда от стены отделилась высокая, смутно знакомая фигура, она не удивилась и почти не испугалась.

— Быстро тебя отпустили.

– Ты ранен?

– Пустяки.

Щепка от притолоки воткнулась ему в тыльную сторону ладони. Обернутый вокруг руки и до того не слишком чистый носовой платок украсился бурыми пятнами.

– Дай, посмотрю.

– Любопытство сгубило кошку.

В ванной не оказалось даже шкафчика.

«Где же аптечка?..»

Он хозяйским жестом извлек из холодильника перекись водорода (предположительно, из ее холодильника!). Не говоря ни слова, ушел в комнату и там пропал. Маша осторожно заглянула. Незванный гость деловито рылся в нижнем ящике шкафа. Через минуту он извлек оттуда вату и бинт.

Отодвинул хозяйку квартиры с дороги, вернулся на кухню, размотал платок. Ранка оказалась небольшой, но глубокой, кожа вокруг успела покраснеть. Маша сунулась было помочь, но в ответ получила хмурое «Не надо, я сам».

Плеснув на ранку перекисью, гость как-то очень ловко и профессионально забинтовал руку, уселся верхом на стул, глянул на Машу снизу-вверх:

– Н-ну?

Она прислонилась к шкафу, еще раз внимательно оглядела незнакомого знакомца с ног до головы. Почему-то хотелось верить, что он на ее стороне. Или интуиция сбивает следом за памятью?..

– Куда ты дел пистолет?

– Пистолет?! В смысле, зажигалку? Вот она, в кармане.

А тебе зачем?

– Выясняю, получится ли применить ее еще раз, буде возникнет необходимость.

Он дернул бровью и глянул скептически, явно сомневаясь в Машиных умственных способностях.

– А если бы меня убили? – вкрадчиво поинтересовалась она, спешно меняя тему. Лучший способ защиты, это, как известно, укунить первой.

– Стрельба сценарием не предполагалась, – угрюмо и чуть смущенно буркнул предположительно новый, а может быть и старый знакомый.

– Чьим сценарием? – с деланным спокойствием уточнила Маша.

– Моим.

Она присела на подоконник, поболтала ногами, глянула на него искоса. Прикинула так и эдак и, наконец, решилась:

– Слушай, сценарист, мне нужна помощь.

– Серьезно? Тебе? А я думал мне.

Оказывается, он тоже нервничал и злился, правда до сих пор успешно это скрывал.

– Значит, нам обоим.

– Есть идеи, кого попросить? – сарказм в его голосе приобрел угрожающие нотки.

– Дело в том... – она мысленно зажмурилась, – что я ни-

чего не помню.

– В смысле, не помнишь? – длинные ресницы растерянно моргнули, в глазах с темным ободком на секунду мелькнули недоверие и паника, мгновенно сменившиеся прежней непробиваемой насмешливой уверенностью.

– Я помню, кто я такая... на этом все.

– Но ты же приехала сюда?

– Прописка в паспорте.

– Я думал ты снимаешь, иначе ни за что бы... надо немедленно уходить! Они скоро сопоставят факты, все поймут и придут сюда.

– Кто «они»?

– Та-ак. Ты помнишь, кто я? Помнишь, почему оказалась в кафе?

Она в отчаянии помотала головой.

– Больницу тоже не помнишь? И мужика в боксе?

– Н-нет.

– Вечер перестает быть томным. Черт, знал бы я, на что подписываюсь...

– Я во что-то тебя втянула?

– Не без того. Так, все, уходим. Поговорим где-нибудь в другом месте.

– Хорошо, только погоди минуту, я сменю платье на что-нибудь более подходящее.

– И телефон оставь здесь. Мало ли...

– Телефона нет, он пропал еще до кафе или его увели в по-

лиции. А твой?

– Оставлен в надежном месте.

Вопреки законам жанра, дом они покинули без приключений. Вскочили в первый попавшийся автобус, забились на заднее сиденье.

– Расскажи, что с нами случилось, – попросила она робко. Он задумался, на мгновение нахмурился.

– Это будет непросто, я знаю далеко не все. Все началось с того, что твоя мама сломала ногу.

– Моя мама?!..

Почему-то она ожидала услышать нечто совсем иное. Может, историю об ограблении банка или о промышленном шпионаже. Как мама может быть замешана в какой-то явно противозаконной афере? Она – божий одуванчик, беззащитная, маленькая, робкая. И... Маша почти ничего про нее не помнила. В памяти всплывали лишь какие-то разрозненные фрагменты из детства.

Она повернулась к нему изумленная, уверенная, что ослышалась. Чистая кожа... тень от ресниц на скуле... взъерошенные волосы... ухо... опасное по мнению врачей украшение – туннель. Его отверстие внезапно потянуло Машу к себе, закружило, заставило потерять связь с реальностью.

— —

... – Вам в рентген-кабинет, на третий этаж.

– А как туда...

– По лестнице, лифт со вчерашнего дня не работает.

– Но у мамы подозревают перелом, она не может идти сама! Где у вас кресла-каталки?

Отделенная от Маши крошечным мутным окошечком тетка подняла от бумаг покрасневшие от усталости, подслеповатые, профессионально-жесткие глаза. Посмотрела из-под очков, как на клиническую идиотку.

– Девушка, кресла все заняты. И на лестнице от них мало проку.

– А может кто-нибудь помочь? За деньги?

Тетка равнодушно пожала плечами:

– Не знаю. Все как-то справляются.

– Девушка, не задерживайте очередь, – раздраженно поторопил сзади дышащий на ладан дедок.

Мама, жалкая, по-старушечьи сторбленная, сидела на лавочке, там, куда ее вынес из кабинета хирурга медбрат. Сидела, поджимая больную ногу и, кажется, плохо понимала, что происходит. Вероятно, ей было очень больно.

– Да что у вас за больница такая! – стараясь не расплакаться, выкрикнула Маша.

Дедок гневно пыхтел, стуча клюкой по покрытому мраморной крошкой полу.

До лестницы они кое-как доползли-допрыгали, помогла какая-то пробежавшая мимо медсестричка. Преодолели несколько ступеней и поняли, что не доберутся даже до верха пролета. Вцепившись одной рукой в дочь, другой в перила,

мама отрешенно рассматривала тщательно отмытые хлоркой стены и пол.

Вверху раздались быстрые шаги. Их обладатель что-то на-свистывал и явно чувствовал себя великолепно. Вскоре по-казался одетый в белый халат, кроссовки и джинсы парень лет тридцати пяти. С туннелем в ухе, с забавной, торча-щей вверх прической. Спрыгнул с пары последних ступенек предыдущего пролета и остановился, обнаружив, что дорогу ему перегородили две отчаявшиеся женщины. Окинув обе-их цепким взглядом, он присвистнул и деловито поинтере-совался:

– На рентген?

Маша кивнула, говорить мешали слезы.

– Клевенько.

Не добавив больше ни слова, парень подхватил маму на руки и осторожно двинулся вверх по лестнице.

– С-спасибо, – едва сумела выдавить из себя зареванная Маша. Она старалась не отстать и не потеряться – несмотря на ношу, парень перемещался невероятно шустро.

Сгрузив маму в кабинете, он вышел и плюхнулся на ла-вочку рядом с девушкой.

– Спасибо, – повторила она. – Сколько я вам должна?

– «А ежели за это и не платят вовсе?» – с усмешкой по-интересовался парень.

– Но вы не обязаны...

– «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы

больного, будучи далёк от всякого намеренного, несправедливого и пагубного», – с напускной серьезностью процитировал спаситель.

– А после рентгена...

– А вот после, если найдут перелом, ее положат на каталку и отвезут в палату. Таковы правила.

Он не спешил уходить, и Маша решилась:

– Как вас зовут?

– Артем.

– Артем, а вы кто?

– Врач-отоларинголог, работаю на приеме.

– Вы нас спасли. На самом деле. Никто не хотел помочь, а вы...

Он пожал плечами.

– Вы нас не ждите, в палату мы сами...

– В палату сами. А вот если диагноз не подтвердится, снова придется вниз.

– О-ох, – выдохнула Маша, как-то не подумавшая о возможных перспективах.

Примерно через полчаса ее позвали в кабинет, объяснили, что перелом чистый, что маме придется минимум две недели провести в больнице и отправили вниз, оформлять документы на госпитализацию. Отправили, слава богу, ее, не маму.

Врач Артем перекинулся парой фраз с хозяином кабинета, на ходу бросил маме «Поправляйтесь!», и шутливо отсалютовал Маше на прощание.

Она проводила с мамой все свободное время. Той то становилось лучше, то хуже. Прошли три недели больничной жизни, и совершенно неясно было, сколько их еще предстоит.

Пару раз они мельком виделись с Артемом в коридоре. Один раз он издали помахал ей рукой, в другой – то ли не узнал, то ли не заметил.

Мама лежала в общей палате на шестерых, а в конце коридора, возле сестринского поста, располагалось так называемое отделение «для тяжелых», одиночные боксы с поступившими из реанимации. В один из вечеров, когда мама, наконец, уснула, Маша вышла в коридор, раздумывая, остаться ли на ночь или поехать домой и поспать хоть немного. Медсестры на посту не было, может быть она пила чай или ее куда-то вызвали. Дверь в один из боксов оказалась открыта. Проходя мимо, Маша машинально заглянула и невольно остановилась.

Окруженный приборами и опутанный трубками обитатель бокса полулежал на широкой кровати. Грузный, пожилой, он казался чем-то сильно встревоженным. Его пронзительные угольно-черные глаза встретились с глазами Маши. Мужчина попытался поднять руку с катетером и что-то сказать. Она переступила порог бокса:

– Поискать медсестру?

Он отрицательно мотнул головой.

– В’ды!

Обежав глазами палату, она обнаружила бутылку минералки и стакан с трубочкой. Мужчина глотнул несколько раз, откинулся на подушки и уже гораздо более внятно произнес:

– Торопишься? Можешь сделать старику одолжение?

«Тыканье» Машу покорило, а на старика незнакомец не очень-то походил. Мощный, покрытый седой курчавой порослью торс, мускулистые, опять же чрезмерно волосатые руки, бычья шея, волевой взгляд. Лет пятьдесят – пятьдесят пять, не больше. Маша неуверенно пожала плечами и оглянулась на дверь.

– Знаешь, мне недолго осталось. День, может два.

Смутившись, она отвела взгляд. Как себя ведут с умирающими? О чем с ними говорят?..

– Что мне для вас сделать? Хотите, прочитаю? Правда, вам вряд ли понравится то, что я читаю маме...

Он мотнул головой по подушке.

– Нет, читать не надо. У меня к тебе просьба, девочка.

– Какая?

– Я дам тебе одну вещь. Ты спрячешь ее, а после... используешь по назначению.

Где-то в глубине ее существа натянулась невидимая глазу струна, интуиция забила тревогу.

– Почему я? Мы едва знакомы, вы ничего обо мне не знаете...

– Арсеньева Мария, 28 лет, не замужем, любимый цвет –

темно-синий, любимый камень – сапфир, – человек закашлялся, – любимая одежда – джинсы и мужские свитера. Любимый вид спорта – чтение книг на диване под пледом. Любимая еда – креветки с авокадо. Что еще добавить, чтобы ты отнеслась к моим словам серьезно?

– Откуда... за мной следили?!

Чушь, бред, даже мама скорее всего ошиблась бы с выбором цвета и камня. А ближе нее никого нет.

– Прикрой дверь и подойди ближе, нас могут слышать из коридора.

Заинтригованная, немного испуганная и сильно удивленная она присела на край кровати.

– Какую вещь вы хотите мне отдать?

– Не так быстро. Сначала приведи кого-нибудь, кто сможет тебе помочь.

– Помочь в чем?

– Я... расскажу. Но сначала приведи. Я постараюсь продержаться до твоего возвращения.

– Но у меня нет...

В палату заглянула медсестра:

– Зачем же закрывать дверь, – мягко и укоризненно покачала она головой. – Вдруг что-нибудь случится, а я не увижу?

Маша вспомнила, как на днях та же медсестра истошно вопила на кого-то из посетителей за то, что он не воспользовался бахилами.

– Ничего страшного, Галочка, – мужчина на койке улыб-

нулся холодной, какой-то профессиональной улыбкой. – Я не один.

– А гости вам вообще противопоказаны, – неуверенно возразила «Галочка».

– Мне уже все показано, – негромко, но очень убедительно проронил мужчина. – Впрочем, девушке действительно пора. Благодарю, что уделили мне минутку, Каролина, передавайте привет вашему батюшке.

Она выскочила из палаты немало озадаченная, не зная, куда идти и что делать. Кто мог бы помочь?.. Кроме мамы некому. Ни родных, ни близких, ни знакомых. Плохо быть одиноким интровертом в огромном городе. Впрочем, совсем недавно, до больницы, ей так не казалось.

Он назвал ее чужим именем. Он путает следы. Зачем? Вдруг он втянет ее в криминал, вдруг ее жизни что-то угрожает? И мама? Она совсем беспомощна и без Маши вряд ли справится. Но ему известно о ней то, что неизвестно никому...

Раздираемая сомнениями и противоречиями, она спустилась на первый этаж, присела на банкетку. Советоваться с мамой бессмысленно, и так ясно, что она скажет. Не показываться больше на глаза странному пациенту? Но она никогда не простит себе, что, находясь в полушаге от тайны, так и не пересекла границу, так и не решилась к ней прикоснуться. Впрочем, он передумает, если узнает, что поддержки ей ждать неоткуда. Точно передумает. Но не странно ли

не найти помощи в многомиллионном городе? Должен же кто-нибудь согласиться из великодушия или за деньги? Хоть кто-нибудь?..

Некстати вспомнилось, как Артем нес маму по лестнице на рентген. Нет, нельзя злоупотреблять... нельзя... или можно?

— —

Она застала его в ординаторской совершенно случайно — он не в свою смену заскочил забрать с работы кроссовки.

— Артем, вы меня помните?

Он на секунду нахмурился, затем лицо его просветлело.

— У вас мама сломала ногу.

— И вы нам помогли.

— Да. Точно.

— Помогите мне еще раз. Пожалуйста! — брякнула она и покраснела от собственной наглости.

На его лице сменилась целая гамма чувств. От легкого недовольства и нетерпения до недоумения и любопытства.

— Каким образом?

— Один человек хочет, чтобы я спрятала... что-то спрятала. И он считает, что одна я не справлюсь.

— А конкретнее?

— Он обещал все рассказать, когда я приведу вас... в смысле того, кто согласится прийти.

— Девушка... простите, не знаю вашего имени...

— Мария.

– Мэри... вы отдаете себе отчет, что ваши слова звучат по меньшей мере странно, если не сказать опасно и подозрительно? И... я все-таки не благотворительная организация. Мы едва знакомы, чего ради я стану вам помогать?

– Ситуация очень необычная... и мне некого больше просить. У меня нет... знакомых. То есть, – видя на его лице удивленно-недоверчивое выражение, поправилась она, – таких знакомых, которые согласились бы помочь. И из родственников только мама.

– Это как?!

Маша обреченно пожала плечами.

– Вот так.

– Дайте угадаю, вы никогда не попадали к психиатру? Шу-чу я, шучу. Не знакомы с понятием «профессиональный цинизм»? Ок, будем считать, вы слегка меня заинтересовали. Но не убедили.

В ординаторскую зашла дама лет сорока, в белом халате и в шапочке. Недовольно уставилась на беседующих, но вмешиваться не стала.

– Если мы посидим где-нибудь, я расскажу подробнее, в чем дело, – скороговоркой выпалила Маша, для убедительности ухватив Артема за рукав и не сводя с него умоляющих глаз. – Тогда, возможно, вы согласитесь.

Он хмыкнул, почесал за ухом, покосился на даму и неожиданно перешел на «ты».

– Далеко живешь?

– Четыре остановки на автобусе.

– Минут 20. Отлично, поехали. С тебя ужин, руки обещаю не распускать.

– —

Они пили чай не первый час. С бутербродами, шоколадом и, почему-то, с яблоками. Рассказ прозвучал уже дважды, вопросы множились и не находили ответов.

– Занятный сюжетец, – резюмировал, наконец, потягиваясь, Артем. – Что ж, можно попробовать. Я заступаю завтра во второй половине дня. Подъезжай к четырем, посмотрим на твоего таинственного дедка.

– А раньше... никак?

– С утра, прелестная Мэри, – Артем развел руками, – я занят. Друг слезно просил помочь.

– А... сейчас?

– Сегодня в ночь на третьем у нас дежурит сверхбдительная особа. Я-то проникнуть к твоему загадочному старцу смогу, а вот тебя провести вряд ли получится.

Маша вздохнула и покорно кивнула. Он глянул на телефон и фыркнул:

– Ужас, второй час ночи. Сходил, называется, за кроссовочками, побегал в парке. Так, быстро прибираемся, и я поехал.

– Да не надо, я сама, – запротестовала Маша.

– Пачкали вдвоем, а последствия устранять одному? Так нечестно, – и он плутовато и как-то очень простецки улыб-

нулся. Маша не сумела удержаться и улыбнулась в ответ.

Убирая колбасу, он придержал дверцу холодильника:

– Вы зачем перекись сюда засунули? И шоколад? Он же поседет...

Маша пожала плечами. Сколько она себя помнила, они всегда хранились там.

– А остальная аптечка где? Не в ванной, там даже шкафчика нет. Стой, стой, дай пофантазировать, на балконе?

– В спальне, в ящике шкафа.

– Чудно.

Руки Артем, как и обещал, распускать не стал. Ощувив легкий укол разочарования и мимолетно удивившись себе, Маша еще раз поблагодарила его на прощание и по привычке тщательно закрыла дверь на все замки.

— —

... – Отвлеки внимание, дай ей уйти.

– Но...

– Прими огонь на себя, вызови подозрение, тяни время, запутай следы.

– Вряд ли я...

Мужчина по-своему истолковал его сомнения.

– Твоей жизни ничего не угрожает.

Артем с досадой мотнул головой, сжал руки в кулаки и засунул их глубоко в карманы халата.

– Я не то хотел сказать. Вряд ли я сумею. Я все-таки врач, а не спецназовец. И да, спасибо, что напомнили. Вы утвер-

ждаете, что нам ничего не грозит. Почему мы должны вам верить?

– На смертном одре не лгут.

– Серье-езно?! Послушайте... как вас там...

– Иван Сергеевич.

– Муму? Тургенев? И вот это сейчас была правда?

– Нет, – мужчина усмехнулся, явно не испытывая ни малейшего смущения. – Но эта ложь никому не причинит ни вреда, ни пользы.

– Отлично. – Артем повернулся к Маше. – Знаешь, я ведь не поленился узнать, под каким именем здесь числится твой необычный знакомый. Аксаков, Сергей Тимофеевич. «Аленький цветочек» читала?

– Читала... – еле слышно вздохнула девушка.

– Одним словом, обитает в этом боксе страстный почитатель классической русской литературы. Подозрительно скрытный и склонный к мистификации, если не сказать хуже. И ты хочешь доверить ему наши жизни?

Мужчина дышал тяжело, с присвистом и выглядел гораздо хуже, чем накануне. Она сглотнула через силу.

– Скорее да, чем нет.

– Ок-кей, – протянул Артем с непонятым выражением. – *Se que femme veut, Dieu le veut.* Чего хочет женщина, того хочет Бог. Давайте так. Вы рассказываете, чего ожидаете от нас, а мы думаем, соглашаться или нет.

– Так не пойдет, – мужчина подался вперед, кашлянул,

в груди у него что-то заклокотало. – Моя просьба должна быть выполнена. И именно этой девочкой!

– Почему?

– Не твоего ума дело!

Наступила пауза.

– Артем... – Маша нерешительно шагнула вперед и положила руку ему на предплечье. – Пожалуйста, помоги мне.

Несколько секунд он молчал, ни на кого не глядя, затем качнул головой и горько усмехнулся:

– Это ж надо так попасть, а?.. Ладно, валяй дед, отдавай ей свою великую ценность. И инструкцию к ней не забудь.

– Отдам в конце, потому что как только отдам... сразу... короче говоря, это флешка. В том числе флешка. И ты, именно ты должна будешь увидеть ее содержимое. Увидеть, запомнить и сразу уничтожить носитель.

– Что за содержимое? – настороженно уточнил Артем.

– Она поймет, – властный взгляд мужчины на несколько секунд впился в лицо Маши, будто сию секунду передать самое важное, самое сокровенное.

– Итак. Еще раз. То, что я понял. Мы должны забрать у вас флешку, тихонечко отнести ее к ближайшему компьютеру, просмотреть содержимое, тюкнуть по ней молотком и покончить со всей этой историей. После уничтожения флешки никому из нас ничего не грозит.

– После вы в полной безопасности. Но вот «тихонечко отнести» у вас вряд ли получится.

– Это еще почему? Коридор пуст...

– Пока да, – с нехорошей усмешкой согласился мужчина и снова закашлялся.

– А что может ... – начала было Маша.

Не дав ей договорить, «Тургенев» неловко полез рукой под одеяло, болезненно поморщился и протянул девушке слегка измазанную кровью серебристую капсулу с USB-разъемом. Веки его закрылись, по экрану, сменив зигзагообразную, поползла прямая. Взвыла сигнализация.

Выхватив флешку из безвольно упавшей руки, Маша беспомощно оглянулась.

– Уходим! – Артем дернул ее за рукав, потащил к двери.

Сжимая в кулаке флешку, она неуклюже вывалилась вслед за ним в коридор. Из-за угла, со стороны сестринского поста, показалась озабоченная медсестра и заспешила к палате. От ее взора не укрылась странная парочка, быстрым шагом направляющаяся к лестнице. Впрочем, это была не «Галочка», окликать врача и посетительницу она не стала.

— —

Зашумел лифт.

– Туда, быстро! – Артем пихнул девушку к пустующему сестринскому посту. – Спрячься!

Она нырнула за широкую стойку, вжалась в нее лопатками.

– Если оба выкрутимся, встречаемся в «Дедушке-фрегате». На Балтийской, знаешь? – скороговоркой выпалил Ар-

тем.

– Найду!

Не слишком торопясь и громко топая, он устремился прочь. Разошлись створки лифта. Быстрые шаги нескольких человек, отрывистые указания, писк приборов, ощущение страха и присутствие смерти совсем рядом.

– Вон он!

– Уходит! На лестницу, живо!

– Третий и первый в палату!

Маша осторожно выглянула. Один остался в коридоре, но смотрел, к счастью, в другую сторону. Короткая стрижка, костюм, галстук, рация. Не хватало только пистолета, впрочем, возможно он и спрятан где-то под пиджаком. Стараясь не дышать, она отползла на прежнее место и крепко зажмурилась. Вспомнила про телефон, бесшумно достала его из сумочки и выключила. Убрала вместе с флешкой на самое дно.

Они его охраняют или стерегут? Или и то, и другое?

«Что же за глупость такая? Как в третьесортном боевике, право слово», – подумалось вяло.

Одна минута, две, пять. У костюма в коридоре ожила рация.

– Он ушел на чердак, перекрыть выход со второй лестницы! Пятый!

– Иду.

Снова зашуршали створки лифта. Открылись. Закрылись.

Маша выдохнула, медленно выпрямилась, отряхнула колени, поправила платье и не торопясь направилась к лестнице. На секунду мелькнула мысль, не безопаснее ли будет отсидеться у мамы?.. Но вдруг там всех будут обыскивать? Нет, лучше уйти сразу.

В вестибюле царила суета, слышались возмущенные крики. У выхода костюмы с рациями проверяли всех выходящих специальными, похожими на металлоискатели приборами. Медперсонал опасливо жался по углам и не решался возразить.

Маша отступила обратно к лестнице, в отчаянии оглянулась... черный тошнотворный смерч раскрутился в обратную сторону, постепенно уменьшился и замедлился, сделался просто отверстием в ушном туннеле ее спутника.

— —

... – Ты чего?

Она мягко стукнулась носом о его плечо и пришла в себя.

– Ты... Артем, – шепнула пересохшими губами.

– Слава тебе господи, вспомнила!

– Не все. Я вспомнила маму и больницу... и «Тургенева».

И охрану. А куда дела флешку, не помню.

– Час от часу не легче, – он вздохнул. – Может, тебя стукнуть? Или напугать как следует?

– И это предлагает врач?

– Позволю себе напомнить, я не психолог и не невролог.

Я – отоларинголог.

– Как тебе удалось от них уйти?

– Через чердак на крышу, мы там обычно курим, затем перебрался на соседний корпус, у них стена общая. Переоделся в припрятанное заранее, спустился вниз... одним словом, Элвис успешно покинул здание.

– Ты просто герой... и куда мы теперь?

– Не к тебе и не ко мне. В идеале – куда-то, где никому не придет в голову нас искать. У тебя есть наличка?

– Рублей триста.

– У меня пятьсот. Немного, учитывая полностью туманные перспективы. Сколько нам предстоит зависать на нелегальном положении никакой ясности нет, а охотятся за нами, похоже, серьезные люди.

– За тобой.

Он хмыкнул.

– Твоя мама лежит в больнице, в которой я работаю, а «Тургенев» отдал концы. Нас вместе видела медсестра. Мы оказались за одним столиком в кафе на другом конце города. Как думаешь, сколько времени у них уйдет на привязку твоей личности к моей?

Маша тяжело вздохнула.

– Ночные клубы, кино и гостиницы, учитывая нашу финансовую несостоятельность, отпадают. В центр не стоит соваться, там слишком много камер. Что остается?

– Вокзалы?

– Тоже камеры. И полиция на каждом шагу. Стоп, кажется

я знаю. Немного рискованно, но... выходим!

— —

К больнице они подошли в первом часу ночи. Призрачные тополя шелестели в темноте, лужи таинственно поблескивали, скрывая истинную глубину от доверчивых прохожих. Доверчивых... доверчивых?

— Погоди, — Маша внезапно остановилась, и Артем едва не налетел на нее. — Что мы делаем? Здесь ведь тоже камеры!

— Камеры. Только по этому фасаду ни одна не работает.

— Какая осведомленность! — фыркнула Маша. — Эй, погоди, ты куда? Дверь же там, рядом с клумбой!

— Если воспользоваться карточкой, на пост охраны поступит сигнал. Оно нам надо? Зато бабе Клаве вечно кажется, что в подсобке душно.

Артем залез на приступочек под небольшим окном, выпрямился во весь рост, сунул руку в форточку по плечо и принялся энергично дергать шпингалет. Через несколько минут рама подалась, парень едва не упал, но удержался. Протянул Маше руку:

— Забирайся! Эй, чего смешного?

— У тебя сегодня оконный день.

— Не поверишь, но это уже третье. С крыши на чердак я тоже через окно уходил.

— Боги!..

— Слабоумие и отвага — девиз бурундуков. Слушай, хорош ржать. Ща нас здесь застукают, мало не покажется!

– И куда дальше? – придушенным от нервного смеха голосом поинтересовалась Маша, слезая с подоконника. Рассмотреть обстановку подсобки в скудном свете уличного фонаря не представлялось возможным.

– Пока никуда. Помещение заперто снаружи бдительной бабой Клавой. В наличие должна быть табуретка для дамы. И раковина. Ща найдем.

– А как же ты?

– Я не гордый, на полу посижу.

Когда прихваченные по дороге сосиски в тесте и кола кончились, Артем тщательно свернул в кулек остатки трапезы и сунул в карман.

– На всякий случай не будем оставлять явственных следов, – ответил он на непонимающий Машин взгляд. – Итак, давай прикинем, что нам делать и в каком порядке.

– Искать флешку?

Куда же она ее дела? Куда?! Спустила в унитаз? Нет, вряд ли. Такие поступки не в ее характере. А может, нашла в больнице компьютер и просмотрела содержимое прямо здесь? А затем уничтожила источник проблем? Может, именно поэтому и потеряла память? Но погоня и травля продолжаются. Значит, или таинственный пациент соврал, или флешка до сих пор не просмотрена и где-то дожидается своего часа. Лучше бы «Тургенев» говорил правду...

– Интересно, как ты это себе представляешь?

– Никак пока... но я тут подумала, если вернулась часть

памяти, может вернуться и остальное.

– А может и нет.

– Может.

– Значит, надеемся на лучшее, а готовимся... ну, сама понимаешь. Для начала попытаемся по минутам восстановить твои перемещения от больницы до кафе.

– Так, что я помню... Мы зашли к нему в палату приблизительно в четверть пятого и пробыли там...

– Минут двадцать.

– Да, около того.

– За стойкой ты пряталась...

– Минут пять – семь. Затем спустилась вниз.

– То есть где-то без пятнадцати пять ты оказалась в вестибюле.

– Вероятно, я на часы не смотрела.

– И дальше ты ничего не помнишь.

Она потерянно кивнула.

– Я там потопталась, пошла обратно к лестнице и... все.

Темнота и тишина.

– Может, тебя по голове стукнули и флешку отобрали?

– Может. Только я этого совсем не помню. И зачем-то же за нами продолжают охотиться?

– Ладно, попробуем с другого конца. В кафе ты появилась в половине седьмого.

– Откуда дровишки? В полиции сказали, ты пришел позже.

– Я прятался неподалеку от входа, проверял, не привела ли ты хвост.

– Ну, кто-то из нас его точно привел.

– По всей видимости, я. Тебя на тот момент вряд ли кто-то подозревал. Уж если даже в полиции всего два часа продержали и отпустили...

– Если только они не надеялись, что я приведу их к флешке.

– Не исключено. Но об этом мы пока думать не будем. Итак, возвращаясь к потраченному времени. Между тобой и вестибюле и тобой в кафе прошло...

– Час сорок пять.

– Машину от больницы ты не взяла, потому что появилась со стороны МЦК и выглядела весьма растрепано. Как будто бежала или быстро шла.

– Скорее всего, так и было. Не люблю такси, неприятно оставаться наедине с незнакомым водителем. В сложившейся ситуации побоялась бы, что он заодно с этими, в пиджаках.

– Если МЦК и метро, то... Минут 25 и 30, плюс пересадка. Итого час. До кафе от МЦК идти минут 10. До метро ты скорее всего добралась на автобусе. Это, включая ожидание, минут 15 – 20. Максимум, полтора часа. Остались еще 15 минут.

– Небольшая поправка, до метро я скорее всего добиралась пешком. Во-первых, по привычке, всегда так делаю, во-

вторых наверняка не рискнула бы маячить у всех на виду на остановке.

– Значит, 20—25 минут. Несущественно. Все равно, 10—15 минут лишние.

– Это означает, что я, скорее всего, никуда не заходила и не заезжала, а из больницы сразу отправилась в кафе. И спрятала флешку либо по дороге, либо там...

– А скорее всего, тут. Чтобы без проблем миновать этих, которые всех шмонали на выходе.

– Звучит правдоподобно. Но больницу они наверняка обыскали.

– Наверняка. Но флешку не нашли. Иначе оставили бы нас в покое.

Маша взъерошила волосы, задумчиво побарабанила пальцами по тыльной стороне табуретки.

– Когда мама спала, я иногда сидела на подоконнике в коридоре, – медленно начала она. – И один раз услышала чирканье. Перегнулась посмотреть, а там, в щели между кирпичами, гнездо.

– Та-ак, – протянул Артем.

– Птенцы выросли, улетели, а на их место обитания вряд ли кто-то покусился. Не думаю, что о нем вообще кто-то знал.

– Значит, нам надо отсюда выйти и попасть на третий этаж. Ничесе задачка. Ок, сделаем так. Ты побудь здесь, а я сбегаяю на соседнюю улицу в кафешку, там официантки зна-

комые. Попрошу позвонить. У меня приятель сегодня дежурит, он нас вызволит из заточения.

– А твой приятель нас не сдаст?

Глянув на нее искоса, Артем хмыкнул.

– Как повезет. Есть идеи получше?

– —

Несколько ошарашенный молодой человек в бледно-зеленом халате выпустил Машу и успевшего вернуться Артема минут примерно через пятнадцать.

– Е-мое, Тёмка, я думал, ты пошутил!

– Похоже было?

– Не очень... Ну, задал ты задачку! Пришлось Лехе врать, будто баба Клава в подсобке пакет с творогом забыла и попросила меня его в холодильник отнести. А вы чего тут делаете-то?!

– Примус починяем, – скривился Артем. – Спасибо, друг, и давай, проваливай отсюда нафиг. Ты нас не видел, мы тебя. С меня пиво на выходных.

Приятель оказался либо на диво покладистым, либо опасливым. С первого раза внял уговорам и быстренько ретировался.

– Давай ноги в руки, – шепнул Артем. – Если он насвистел кому надо, у нас минут пять-десять не больше.

На третий этаж они только что не взлетели. Приглушенный по ночному времени свет, пустота и тишина. Даже дежурной медсестры не видно. Маша распахнула окно, лег-

ла животом на подоконник, высунулась наружу. Зашарила по неровному кирпичу, сдвинулась правее, свесилась еще дальше. Артем придержал ее за ноги:

– Но-но, полетать решила?!

Вот и знакомая трещина. Флешка обнаружилась совсем близко, в мягком гнездышке из перьев и высохшей травы. Там же нашелся то ли выключенный, то ли безнадежно разряженный Машин телефон.

– Есть!! – она вынырнула из окна и предъявила добычу. – Дедуктивный метод сработал!

– Ура, – озабоченно кивнул Артем. – Теперь нужен компьютер. И не вздумай пока включать телефон.

– —

Комп с плохоньким монитором на посту дежурной медсестры был, разумеется, запаролен. Артем разочарованно замычал, Маша в ответ решительно приподняла клавиатуру и предъявила ему листочек с бессмысленным набором букв и цифр.

– Как ты догадалась?!

Она пожала плечами:

– Сама так делаю.

Он удержался от лекции на тему абсурда и разъяснений, для чего нужны пароли. За это Маша была ему признательна. Подождав, пока загрузится система, сунул флешку в разъем.

– Тут экзешник. Комп не жалко?

– Пфф...

– Ок, принято. Послушай... – он слегка повернулся к ней, но в глаза не смотрел. – Ты так и не скажешь, чего боишься больше всего?

– Какая тебе разница?

– Кажется, я заслужил немного доверия, – его рука лежала совсем близко от ее, чуткие «врачебные» пальцы чуть пригнулись, коснулись кожи. – Или это большая тайна?

– Не тайна. – некоторое время Маша бездумно смотрела на его руку, затем на свою. Наконец, тяжело вздохнула. – Я боюсь безразличия и равнодушия. Других людей, и, особенно, своего.

Он кивнул, с облегчением тряхнул головой и почему-то повеселел:

– Спасибо. Запускаю? Или сама?

Где-то далеко внизу, на лестнице, раздались поспешные шаги нескольких человек и отрывистые команды.

– Все-таки сдал, – печально констатировал Артем.

Маша зябко передернула плечами, поспешно забрала теплую после его ладони мышку и решительно кликнула на файл.

Стены холла качнулись, собравшаяся в углах дисплея чернильная, обморочная тьма стремительно расплзлась, хлынула водоворотом Маше навстречу и утянула ее за собой.

– —

– ...и все же не очень понятно, чего вы добиваетесь с помощью этого спектакля?

– Это совсем не спектакль. По крайней мере для нее.

– Согласен, я неудачно выразился. Для чего нужны эти... приключения?

– Она не откровенна даже сама с собой. Через это необходимо переступить. Пациентка должна принять себя и правильно ответить на вопрос.

– Если бы она ответила сразу, ей не пришлось бы проходить через все это?

– Пришлось бы, но по-другому. Случай очень запущенный, процесс лечения не будет быстрым. Сейчас она проходит легкий реабилитационный курс вкупе с диагностикой. Когда Илекс вынесет окончательный вердикт и разработает индивидуальную программу, начнется настоящее лечение.

– Почему она ничего не помнит?

– Чтобы избавиться от стресса, от груза воспоминаний, от личного опыта. Состояние апатии, в котором она постоянно пребывает, спровоцировано слишком частыми и серьезными отрицательными воздействиями окружающей среды, с которыми организм устал бороться. В таком состоянии она не переломит себя, потому что не видит смысла в приложении усилий. Она будет равнодушно наблюдать, как рушатся миры вокруг, как рушится ее мир. Сейчас, там, она способна принимать решения не оглядываясь на прошлый опыт, ничего не опасаясь. Она должна вновь поверить в себя, стать сильнее, захотеть впустить свой мир обратно. Впустить и принять. Только тогда она сможет переломить судьбу

и вернуться по-настоящему.

– Каким образом вы поймете, что она готова?

– Я не пойму. А вот он, – собеседник положил ладонь на гладкий, обтекаемый корпус, – он не должен ошибиться. Илекс на этом собаку съел.

– Почему «Илекс»?

– А как мне его звать? Искусственный интеллект? Или по серийнику?

– Владислав Евгеньевич, – вмешался в разговор густой, чуть укоризненный баритон, – по серийнику не надо, мы же с вами коллеги все-таки.

– Давай-давай, действуй, коллега, не отвлекайся.

– Курс успешно пройден, диагностика практически завершена. Еще минут десять, и она проснется.

– Да, вижу. Еще вопросы, господин журналист?

– Я слышал, за некоторые случаи вы не беретесь. Как происходит отбор пациентов?

– Программа может помочь лишь тем, кто сохранил ясный разум и в состоянии адекватно взаимодействовать с окружающей средой. Речь не идет о больных с серьезными диагнозами, такими, как шизофрения, аутизм или болезнь Альцгеймера. Тут мы бессильны.

– С кем же вы работаете?

– С теми, кто отчаялся, потерял смысл жизни, впал в состояние агрессии или пытался покончить с собой.

– Владислав Евгеньевич, а бывает, что состояние пациента

ухудшается вместо того, чтобы уллучшиться?

– Крайне редко во время предварительной беседы пациенту удается создать о себе полностью превратное впечатление. В таком случае первый сеанс может пойти не так, как задумывалось. Пациент начнет неадекватно реагировать на события, «выпадать» из сюжета. Илекс мгновенно выявит нестыковки, просчитает, что требуется изменить и отредактирует реальность так сказать «по живому». Сюжет в итоге может получиться непростым, но цель все равно будет достигнута.

– Иными словами, проколов пока не случилось?

– Судя по вашей интонации, вы разочарованы, – вновь вмешался в разговор укоризненный баритон. – Боитесь, что статья получится слишком положительной? Читатель заскучает, решит, что она проплачена?

– Ил!

– Владислав Евгеньевич, вы зря переживаете. Наш гость не обиделся. Напротив, ему интересны не только ваши, но и мои реакции.

Журналист расхохотался:

– Десятка за профессионализм!

– Он такой, какой есть, – смущенно развел руками хозяин кабинета. – Иногда излишне прямолинеен и циничен, как любой врач. Еще вопросы?

– После пробуждения пациентов не огорчает контраст между реальным миром и виртуалкой?

– Вначале да. Затем, в процессе реабилитации, сюжеты се-

ансов постепенно приближаются к реальности, пока полностью с ней не сольются.

– В чем же смысл?

– За время лечения пациент начинает видеть проблемы под другими углами и воспринимать случившееся с ним совершенно с иной точки зрения. Он в каком-то смысле «отдыхает» от свалившихся на него несчастий и обстоятельств. Набирается новых психофизических сил и возвращается в общество другим человеком. Если позволяют обстоятельства, пациент обучается абстрагироваться от свалившихся несчастий, обзаводится новыми увлечениями и интересами и продолжает жить дальше. Если не позволяют – во всеоружии встречает то, что произошло с ним в реальности, отыскав в процессе лечения оптимальные пути решения проблемы.

– А вашей сегодняшней пациентке помогает...

– Один близкий человек, с которым она недавно разорвала всяческие отношения. Он сам вызвался помочь.

– Ее не огорчит, что он снова оказался рядом?

– Илекс считает, что нет.

– Что с ней случилось?

– Данная информация не подлежит разглашению, врачебная этика, знаете ли.

– И предварительным диагнозом не поделитесь?

– Отключение от окружающего мира. Равнодушие. Так называемое «состояние зомби». Человек вроде бы продолжает функционировать, но ничего при этом не чувствует.

Его ничто не радует, не удивляет. Реакции замедляются и притупляются. Возникает лишний вес, портится здоровье. На лице появляется характерное выражение, морщинки и складки.

– Поговорить с девушкой, когда она очнется, вы, разумеется, не...

– Ни в коем случае.

– Что ж, благодарю. Несмотря на мнение вашего высокоученого коллеги уверен, беседа с вами покажется познавательной многим нашим читателям.

— —

...Смерч мелькал вокруг, не выпуская из объятий.

Вспомнилась долгая мамина болезнь и десять темно-алых роз на рыхлой, влажной земле.

Лучшее неуправляемым самодовольством лицо Сани, сообщающего, что он уходит к Нике и забирает с собой Шнурка. Да, и квартиру надо бы поделить, а то ей одной жирно будет.

Катерина, объясняющая, что не так с Машиным отчетом, и куда она себе этот отчет может засунуть. Впрочем, туда же она может засунуть и остальные свои отчеты.

Молчащий, будто партизан на допросе телефон. Бессонница, отчаяние, влажная от слез рубашка, таблеточные блистеры. Свет луны на полу. Отражение в зеркале жуткого, как будто уже умершего лица.

Покрашенная масляной краской в неопределенный цвет

стена. Всегда одинаковая, надежная, незыблемая, дарящая покой и забытие. Тупое равнодушие.

Маша неловко пошевелилась и застонала.

Серебряными башмачками Гингема на периферии сознания прозвенело воспоминание о чем-то надежном, правильном, светлом и, кто знает, быть может потерянном не навсегда?.. Мелькнуло, и тут же пропало. Лишь подарило эфемерную надежду и силы жить дальше.

Лего

Вокруг, сколько хватает глаз, щетинятся арматурой источенные ветром остовы зданий. Под ногами – бетонное крошево, осколки стекла, мусор и бугристые, упрямо цепляющиеся за землю корни. Западный ветер не утихает ни на минуту. Он угрюмо завывает, пронсясь сквозь пустые оконные рамы, бесцеремонно треплет спутанные, пожелтевшие космы «перекати-поля», заставляет пригибаться низкорослый, разлапистый кряжень.

Грех жаловаться, с погодой сегодня, можно сказать, повезло. Не ветвятся по небу бесконечные молнии, не барабаният по капюшону ледяные капли. Ветер не валит с ног, не лишает дыхания.

– Алиса, ты как?

– Норм.

– Отдохнуть не надо?

– Нет.

Поправив лямку рюкзака, она украдкой вздыхает – спина болит невыносимо. Смахивает высеченную ветром слезу. Они отличная команда – Светозар умеет убивать, она искать. У них всегда все получается. Ну, почти всегда.

– Может, хватит на сегодня?

– Примерно в километре к северу должен быть торговый центр. Если повезет...

– Русик там один.

– Знаю. Но лишний час ничего не решает. Если пойдем быстро...

– Надо было взять его с собой!

Водянистые, очень светлые глаза тревожно смотрят из-под белобрысой, неровной челки. Светозар почти альбинос. Почти, но не совсем. У него взрывной темперамент, и Алиса точно знает – сейчас он сдерживается из последних сил.

– Послушай... – она осторожно подбирает слова. – Ты знаешь, когда Русик с нами, мы движемся в два раза медленнее. С ним нет шансов сюда добраться.

– Мы можем переселиться ближе.

– Юрлы вчера метались, ты видел.

– Ну, видел, метались и орали, – нехотя соглашается Светозар. Как большинство мужчин, он желает разведеть то, что не вписывается в его планы.

– Ты не хуже меня знаешь, что это означает. Возможно, сегодняшняя вылазка станет последней перед долгими неделями, а то и месяцами непогоды.

– А вдруг с ним что-нибудь...

– Именно за этот час?! Нелогичность детектед, он один с раннего утра!

Свет отводит глаза и, невиданное дело, смущается.

– Ты только не смейся... но мне отчего-то не по себе. Какие-то дурные предчувствия.

– Что может случиться? Он умеет прятаться получше

многих.

– Да, если не испугается.

– Он никогда ничего не боится.

– Возможно, дело не в нем, – неуверенно пожимает плечами Светозар.

Да что с ним такое?..

– А в ком? В нас? До ночи еще далеко, мы успеем вернуться. Еще около часа в запасе останется.

После захода солнца из подвалов заброшенных зданий вылезает то, что раньше обитало лишь в ночных кошмарах. Мало кому удастся как следует рассмотреть это сосредоточие когтей и зубов и остаться в живых. Впрочем, выше первого этажа «порождения тьмы» никогда не поднимаются. Что их останавливает? Боязнь высоты?.. Алиса предпочитает не знать.

Русику строго-настроено наказано не спускаться на первый этаж, но ведь он обычный ребенок...

И еще. В последние несколько дней вокруг их временного пристанища все чаще шныряют какие-то неведомые шустрые тварюшки. Приплюснутые мордочки, круглые уши, вытянутое тельце, мускулистые задние лапы и короткий пушистый хвост. Этакая помесь ласки, хорька и зайца. Алиса называет их «зайцеласками», Светозар «безухими кроликами», а Русик окрестил зверьков «засками».

Открытой агрессии они пока не проявляли, но вот нездоровое любопытство к «искусне» и ее группе явно испытыва-

ли. Собирались стайками возле подъезда временно приютившей путников высотки, чирикали, скворчали. Если на них обращали внимание, шипели, топорща усы и демонстрируя неприятно длинные игольчатые зубы. Впрочем, Алиса была уверена, что по стенам заски карабкаться не умеют, а запертая дверь надежно защитит от них Русика.

Как зайцеласки делят территорию с жутью из подвалов, остается только догадываться. Иногда из крошечной тьмы за окном раздается разъяренное шипение и похожие на птичьи крики, а потрескавшийся, взломанный корнями асфальт поутру оказывается забрызган темной кровью.

Есть у Светозара повод для серьезного беспокойства или нет?..

– В прошлый раз торговый центр оказался грудой развалин, под которой не нашлось ничего ценного, – мстительно напоминает Свет.

– Бывает, я не всеильна. Но нам нужна теплая одежда, спирт, инструменты и многое другое. Если повезет...

– Сказки.

– А еще, – вкрадчиво продолжает Алиса, – там могут оказаться эти маленькие штучки, с которыми Русик так любит играть.

– Лего? Шутишь?

Ей «штучки» не кажутся хоть для чего-то полезными, но Светозар поощряет увлечение сына, даже разрешает тому расходовать драгоценное электричество. Может, он знает

что-то такое, чего не знает она...

– Я видела значок на карте у папаши Яна. Помнишь, когда вы все упились в хлам...

Светозар отводит взгляд, бурчит неразборчиво «Ты искунья или шпион?»

– На войне все средства хороши, – невозмутимо парирует Алиса. – Так что, идем?

Он отрывисто и зло кивает, ускоряет шаг. Изо всех сил сопротивляясь ветру, Алиса едва за ним поспевает. Спину будто пронзают раскаленные спицы.

— —

...Светозар молчит, и от этого только хуже. Лучше бы он бранился самыми последними словами. Но он молчит. Только сопит натужно и изредка шмыгает носом.

– Брось меня. Брось, слышишь?!

– Не дожدهшься, – выдыхает он в ритм с шагами.

– Скоро стемнеет.

– Ничего.

«Как Муравьишка домой спешил... е-мое!»

Почти час он волочет ее на собственном горбу. Спотыкаясь, глухо постанывая, иногда падая под порывами ветра на четвереньки. Она маленькая и легкая, он жилистый и крепкий. Но предел выносливости есть у каждого.

– Русик важнее! Один он не выживет. Брось, лучше вы вернетесь за мной вместе. Я доживу до утра, обещаю.

– Не доживешь.

– А так мы оба...

– За-ткнись!

Она понимает, что ей не найти нужных слов, не переубедить его и сходит с ума от безысходности.

— —

Алька погибла пять лет назад. Почти пять, без двух месяцев. Светозар не повинен в ее смерти, но Алиса точно знает – он винит себя.

...Молодая семья отправились на поиски игрушек для малыша и, когда возвращались, Алька с сыном провалились в заросшую кустарником, относительно неглубокую расщелину. Оба почти не пострадали, и ситуация не казалась серьезной. Естественно, первым Светозар начал вытаскивать трехлетнего Руську, зареванного и исцарапанного. Тот ухватился за шею отца и никак не хотел отпускать. Когда Свет разжал наконец горячие, перемазанные землей и кровью ручки, Альки внизу уже не было.

Он рванулся тогда за ней и обнаружил невидимый сверху лабиринт нор. Худенькую как девочка Альку утащили в одну из них в мгновение ока. Осталась только пестрая, свалившаяся с волос косынка. Свет пытался втиснуться следом, но широкие плечи не пустили его дальше входа. Он звал, орал, копал голыми руками, пока не выбился из сил. Потом опомнился, рванулся на поверхность, подхватил на руки до смерти перепуганного Русика.

Алисе в тот день нездоровилось, она осталась в их оче-

редном временном убежище и узнала о случившемся только поздним вечером. Светозар с серым, застывшим, каким-то мертвым лицом ввалился в дверь, крепко прижимая к себе уснувшего от усталости и переживаний сына. Молча, не в силах произнести ни слова, привалился к притолоке и устался на Алису. Эти жуткие, почти нечеловеческие, белые с черными точками зрачков глаза до сих пор иногда снятся ей по ночам.

После они долго оставались на одном месте. То ли надеялись на чудо, то ли просто не могли оставить Альку, даже мертвую, одну. Свет возвращался к расщелине каждый день и рыл, рыл, рыл как безумный. Скоро склон холма выглядел так, будто там что-то взорвалось. Несколько дней Алиса ходила тоже, затем решила, что живой внук важнее мертвой дочери. Через пару месяцев сдался и Светозар.

Кто были те норники, они так и не узнали. После войны развелось множество всякой мутировавшей нечисти, зачаточно разумной, большей частью хищной, изобретательной и опасной для человека. Светозар не клялся отомстить и уничтожить, он отлично знал, что обитатели нор после роскошного пира скрылись подальше с глаз и в прежние места обитания никогда не вернуться.

До гибели «искуньей» в их маленькой группе была Алька. Проворная и легкая как белка, она «чуяла» удачу куда лучше матери. Быстро училась, схватывая на лету все, что Алиса ей говорила. Превзошла учителя и иногда буквально спасала

всех четверых от голода и холода. Находила заброшенные склады, убежища, воду, еду.

Месяца через три, когда припасы окончательно истощились, а Русик начал худеть и болеть, Светозар взял себя в руки и снова начал охотиться. Алиса, глядя на него, тоже мысленно отхлестала себя по щекам и занялась тем, что умела хуже Альки, но все-таки умела. Постепенно навыки вернулись. Теперь они не бедствовали, но, конечно, до благополучия пятилетней давности было далеко.

— —

— Я не Алька, — безнадежно бормочет она, — я злая, сильная, я выживу!

— Заткнись! — рычит он.

Про спину она теперь почти не помнит. По сравнению с ногой, та почти не болит. Как, как можно быть такой раззявой? Как можно оступиться на практически ровной дороге?! Конечно, Алиса плохо видит в сумерках, но ей казалось, она идет за Светозаром след в след. Как же! Треск разрываемой материи и ощущение пронзающего плоть металла она никогда не забудет. Впрочем, времени для забывания у нее осталось немного.

«Не попасть, не попасть Муравьишке домой!»

— —

...Они добрались до торгового центра меньше, чем за полчаса. Он почти не пострадал, разграблена оказалась только продуктовая часть. В подвале обнаружился склад, где на-

шлись пледы и куртки, неплохой, почти нетронутый ржавчиной топорик, ножи и свечи. Они обошли первый этаж, поднялись на второй и почти сразу наткнулись на бывший отдел игрушек.

Светозар достал с верхней полки слегка усталого в силу возраста, но все еще пушистого и очень похожего на настоящего кота.

– Пускай хоть такого увидит, – буркнул, заталкивая добычу в рюкзак.

Алиса вздохнула украдкой. Что кот понравится Русику, она не сомневалась. Другое дело, что при кочевом образе жизни лишь крайне необходимые предметы имеют право оставаться в багаже.

Наборы Лего в отделе тоже отыскались. Самые разнообразные, большие и маленькие. Действительно, кому они теперь нужны...

Светозар торопливо, но придирчиво осмотрел предложенный ассортимент. Бормоча вполголоса что-то про контроллеры и сервоприводы, аккумуляторы и сенсоры, набрал в ведро кучу разномастных деталек и пристроил его в рюкзак, между котом и пледом.

– Ну что, ходу?

– Да, пора. И, пожалуйста, ускорься, – не попросил, а скорее приказал он. – Так мерзко мне было лишь раз в жизни.

Она не уточнила, когда. Все и так было понятно. Мороз продрал по лопаткам, но Алиса не разрешила себе испугать-

ся.

— —

Несмотря на предчувствия, они благополучно выбрались на бывшую улицу и без приключений отмахали километра четыре. Оставалось около половины пути, солнце опустилось низко, но все еще просвечивало сквозь изъеденные временем и непогодой каркасы зданий. Боковым зрением Алиса уловила какое-то движение. Прищурилась, близоруко всматриваясь. Ничего и никого.

Обтянутая камуфляжем светозарова спина растворялась в сумерках, сливаясь с серо-зелеными росчерками теней. Отчетливо виднелось только яркое пятно у него на шее. Косынка. Та самая. Он никогда ее не снимает, не взирая на демаскировку. Стараясь не отставать, не спуская глаз с пятна, Алиса ускорила шаги.

Через полчаса вдали показался четкий на фоне сказочно-изумрудного закатного неба контур знакомой высоты. Уже близко. Облака размазались манной кашей, и Алиса кивнула сама себе. Юрлы не ошиблись, ничего хорошего с погодой не предвидится, и гроза начнется совсем скоро. Хорошо, что до временного пристанища, где их ожидает Русик, осталось совсем немного, всего чуть больше полутора километров.

Шуршание множества лапок, еле слышный писк и пофыркивание. Глаза светятся алым в полутьме. Впереди перебежали дорогу три быстрые мохнатые тени. Высунулась из ок-

на первого этажа плоская мордочка с круглыми ушами. Рядом еще одна. Заски. Как их много!..

Она отвлеклась буквально на секунду, проследила взглядом за семенящим по карнизу зверьком, потеряла равновесие, нелепо взмахнула руками и полетела, утягиваемая солидным весом рюкзака. Арматурный штырь вонзился, без труда пробив камуфляж, в ногу чуть ниже колена.

– Кость не задета, – пытался ободрить ее, обрабатывая рану, Свет. – Заживет как на собаке.

Он много чего говорил, отвлекая и забалтывая. Алиса кивала через силу. Крови вытекло столько, что в ушах шумело, а перед глазами все плыло. Перетянутая жгутом нога пульсировала и ныла.

Сперва она хромала, поддерживаемая за талию Светозаром. Затем упала и уже не смогла подняться.

— —

...Тьма настигла их у самого дома. До спасительной двери оставалось всего ничего, каких-нибудь сто метров. Словно получив условный сигнал, заски разом осмелели и начали сжимать кольцо. Алисе казалось, что за шорохом крошечных лапок слышится иная, куда более тяжелая поступь. Пару раз ей привиделись и глаза. Янтарно-рыжие, с вертикальными щелями зрачков. Они смотрели издали, поверх копошащейся массы зайцеласок, с явным гастрономическим интересом.

Из-за потери крови, боли и усталости мир казался не очень реальным и совсем не страшным.

– Ты видишь?

– Вижу.

– Это они?

– Не знаю.

«Загонщики и охотники, сцена первая... и последняя.»

– Стоять сможешь?

– Есть варианты?

– Нет.

Он сгрузил ее на землю. Алиса пошатнулась и вцепилась ему в плечо, пытаясь сохранить равновесие.

Патроны кончились пару лет назад, и пистолет давно использовался только в качестве учебного пособия для Русика. Нож в такой ситуации – не помощник. Свет извлек из кармана «шумелку» на длинной веревке и раскрутил ее над головой. Та низко, угрожающе заныла. Заски не разбежались, но и придвигаться ближе больше не смели.

Шаг, другой. Стараясь не наступать на больную ногу, Алиса полупрыгала, полуволочилась за Светом. Ей показалось, что последние несколько десятков метров они преодолевали не один час. Заски огрызались, шипели, но понемногу, бочком, неохотно отступали... в подъезд.

— —

Узкая щель между дверью и косяком как раз позволяла протиснуться тощим, вертким телам. Алиса обмерла – когда они уходили утром, Светозар тщательно закрыл дверь. И протянул поперек сигналку – леску на уровне колен, кото-

рая затем шла на третий этаж. Привязанная к колокольчику, она должна была предупредить Русика об опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.